

II. ПИСЬМА

К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

20 мая 1891 г.

Многоуважаемый и дорогой Константин Николаевич,

Благодарю Вас и за портрет Ваш (который очень хорош и характерен и значащ), и за письмо, и за вырезки из «Гражданина» Ваших «Записок Отшельника», и статью г. Южного (я ее действительно не знал, потому что «Гражданина» здесь никто не получает).

Если я Вам скажу, что я 1) хлопочу из всех сил о переводе меня из г. Ельца, в какое-нибудь другое место службы, 2) менее чем через месяц из холостого человека становлюсь семьянином и 3) что у нас еще экзамены, то Вы поймете, до чего я в хлопотах и озабочен, и, верно, простите краткость моего письма.

Все, что Вы пишете о судьбе своей как писателя, действительно характерно для «грамотократии» нашей: мало есть положений и мало родов деятельности, которые бы так расшатывали, обезличивали или искавали все устои индивидуального существования человека: его характер, его совесть будет состоять в восполнении этого недостатка. Сделаю Вам признание: мне теперь 37 лет, и я занят многими разными вопросами, но между 16 и 23 годами я не прочел ни одной книги и совершенно ни о чем не думал, кроме этой одной теории,— думал, просыпаясь даже ночью, сидя в гостях или обедая; а на 3-м курсе университета нашел ее разрешение. В своем роде это так же просто и всеобъемлюще, как Ваша теория триединого процесса развития. Но у меня одно несчастье: я не могу писать о том, что у меня разъяснилось и я уже пережил и решил; пишется лишь о том, что переживаешь теперь; прошлое скучно.

Книга «О понимании» вся вылилась из меня, когда, не предвидя возможности (досуга) сполнна выразить свой взгляд, я при-

менил его к одной части — умственной деятельности человека. Утилитаризм ведь есть идея, что счастье есть цель человеческой жизни; я нашел иную цель, более естественную (соответствующую природе человека), более полную во всех отношениях, интимную и общественную.

Но я все еще не знаю о существовании Вашего «Востока, России и Славянства» и только дивился, почему современник Л. Толстого и участник Крымской войны, так любящий и так знающий литературу, так очевидно вдумывавшийся в то, во что другие никогда не вдумывались — так мало писал и так мало известен (я вовсе не из особливо-сведущих людей). И вдруг из одного фельетона Ю. Николаева узнаю, что у Вас есть какая-то книга «Византия и Славянство»: тотчас при оказии поручаю в Москве ее разыскать, а там после поисков по всем магазинам, наконец, дали два тома Ваших статей, где «Византизм и Славянство».

Я только что вернулся в Елец, а главное — расклеился в дороге, как Вы со своим милым Сотири (помните?) — и мне трудно писать. Скажу только, что Ваша теория прогресса и разложения (пневмония, как пример выздоровления или умирания, общая формула: прогресс — усложнение, умирание — упрощение, оправдание ее даже на развитии планет, подведение под эту формулу всей истории, взгляд на Революцию как на «открывшийся в Европе эгалитарный процесс», о 1000-летнем росте государств и проч.) — все меня поразило, все было ново и очевидно истинно («печальная и суровая наука»), и я до последней строки все принял в свой ум и сердце: потому что очевидно и много сердца Вы вложили во *все* свои писания. Все дальнее было мне понятно в Вас: понятна любовь к Сотири и «липованам», понятно отвращение к Гладстону и недалекому Лессепсу, понятно все Ваше негодование, так великолепно выразившееся («не для того же Моисей всходил на Синай» и проч., «чтобы Гамбетты и Жюль Фавры высаживали свои яйца мещанского счастья», — это чудные слова). Не буду дальше говорить, потому что не в силах, но *как Вы себя любите и понимаете, так и я Вас не только уважаю, но и люблю и понимаю*, — все, все до последней мелочи, до раннего интереса к френологии, до отвращения к Оверу, любви к Бодянскому, до поездки к Смоленскому предводителю дворянства, до отсутствия всяких сантиментальностей по отношению к славянам; только больно, больно мне было, когда Вы говорили и о бессодержательности русской крови, но спасибо за слова «мы великий народ, это видно из самых отвратительных пороков наших» (только они не ясны, и уж как бы мне хотелось разгадать и недосказанное Вами).

Спасибо за письмо Ваше, я сохраню его как драгоценность; Вам трудно писать (сужу по почерку, и Вы стари), но всякую строку Вашу сохраню и приму в сердце свое: повторяю: я в Вас никогда не находил ошибки; о «трансцендентном эгоизме» и альтруизме, который приложится — тотчас же все понял и признал. Но Вы умеете очень кратко и много выражать; не оставьте меня этими краткими строками. Скажу только, я в высшей степени был подготовлен к принятию Ваших идей: читая Токвилля, я тоже больше всего поразился, что «все люди стали схожи между собой»; но не было у меня формулы, не видел я теории, это было единичное печальное наблюдение.

Крепко обнимаю Вас и целую, как только может хоть и усталый довольно, но молодой еще человек обнять и поцеловать старика, так много ему сказавшего.

Ваш глубоко преданный
В. Розанов.

П. П. ПЕРЦОВУ

<Конец декабря 1896>

Дорогой мой Петр Петрович! Все я понимаю, что Вы пишете, со всем даже согласен, но

Video meliora proboque
Deteriora sequor...*

Увы, увы и увы...

Если Вы станете это клясти, я отвечу только: «такова судьба рода людского...»

Такова она — *после падения*...

Еще Вы не знаете во мне сторону: вечный плач (т. е. моя «литература») и вечный гнев, плач о рае потерянном, гнев на юдоль холодную и бесприютную, на «внешнее место», куда мы загнаны.

Отсюда — я не люблю Мережк., Чехова (откуда о нем Вы узнали мое отношение? я ничего не писал), Ницше: они воспели это «внешнее место», они едят в нем колбасу и зернистую икру в январе месяце, и думают, что это все, что нужно человеку... Ницше безумный смел написать: «Бог умер». И Бог, для него умерший, в нем сказался сумасшествием... Боже, до чего все ясно, до чего ясна история, до чего ясны судьбы человека.

* Благое вижу, хвалю, но к дурному влекусь (лат.) (пер. С. Шервинского).